

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

DOI: 10.15838/sa.2024.3.43.4

УДК 314.93;316.4 | ББК 60.7;60.54

© Калашников К.Н.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОРОГА НАСТУПЛЕНИЯ СТАРОСТИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ КАЛАШНИКОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: konstantino-84@mail.ru

ORCID: [0000-0001-9558-3584](https://orcid.org/0000-0001-9558-3584); ResearcherID: [I-9519-2016](https://orcid.org/I-9519-2016)

В статье поднимается проблема определения возрастных границ старости с актуализацией ее условий и вызовов современного мира, прежде всего тенденций демографического старения и сопутствующих требований социально-экономического, культурного и политического характера. Цель работы – обзор и сравнительный анализ философского, социально-психологического, экономического и политического подходов к установлению порога старости как поиск единого варианта интерпретации. Автор показывает, что обсуждаемая проблема характеризуется особой методологической глубиной. Так, сама характеристика «старый» определяется в терминах логики как предикат с нечеткими границами, что порождает проблемы категоризации и классификации, определяемые в целом как «парадокс сорита». Несмотря на существование целого ряда теоретических схем, претендующих на разрешение этой философской загадки, ни одна из них не признана исчерпывающей. Автор приходит к выводу, что уместным в контексте рассматриваемой проблематики, а именно разработки адекватной демографической и социальной политики, программирования и обеспечения параметров благополучной старости, вариантом интерпретации парадокса соритов выступает позиция прагматического концептуализма, которая хотя и не дает предписаний относительно границ старости, но представляет ценный описательный язык, позволяющий объяснить, почему те или иные решения проблемы периодизации старости были признаны истинными в различные периоды человеческой истории или будут приняты в качестве таковых в будущем. Выбор конкретной схемы периодизации в значительной степени зависит от сферы ее приложения, поставленных задач, а потому должен быть результатом сравнительного анализа возможных альтернатив с при-

влечением аргументов научного характера и учетом политических обстоятельств, которые, как отмечает автор, не всегда созвучны друг другу. Практическая значимость результатов состоит в выявлении ограничений для использования отдельных подходов к трактовке порога старости применительно к реализации государственных программ социального характера, включая системы социальной помощи и пенсионного обеспечения.

Порог старости, старый, возраст, парадокс соритов, теория жизненного цикла, коэффициент иждивенчества по старости, пенсионный возраст, политический процесс.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10128 (<https://rscf.ru/project/23-78-10128>).

Введение

Феномены старости и старения получают в XXI веке беспрецедентно большое внимание ученых, представителей власти и бизнеса, всех жителей планеты. Это связано с целым рядом причин, основной из которых является устойчивая тенденция старения населения, обусловленная колоссальными успехами цивилизации в борьбе со смертельными болезнями, обеспечении широкого доступа людей к благам и комфортным бытовым условиям и означающая, что вероятность перешагнуть 65-летний рубеж для значительной части живущего сегодня населения очень высока. Во всяком случае, она выше, чем в прежние эпохи существования человечества. И эта тенденция с высокой вероятностью закрепится. Согласно прогнозам ООН, удельный вес жителей в возрасте старше 65 лет достигнет к 2050 году 16% от всего мирового населения (в 2019 году показатель составлял лишь 9,1%). Ожидается значительный рост численности пожилого населения и в России: к 2050 году она достигнет 23% от всего населения страны, то есть по сравнению с ситуацией 2019 года, когда этот показатель оценивался на уровне 15%, прирост составит 8 п. п.¹ Несмотря на эти, в основном положительные, тенденции, проблемы, которые они вызывают, имеют негативные последствия и требуют разработки мер по их смягчению или разрешению.

Так, еще в 2002 году второй Всемирной ассамблеей по проблемам старения, состоявшейся в г. Мадриде, был принят Мадридский международный план действий по проблемам старения, актуализировавший необходимость их учета при разработке глобальных повесток дня². В ответ на актуальные демографические тенденции Всемирная организация здравоохранения приступила к реализации глобальной стратегии и плана действий по содействию здоровому старению³. Правительства многих стран мира вынуждены с особым вниманием прогнозировать параметры демографического старения, чтобы оценить перспективы экономического роста, потенциал рынка труда и очертить контуры социальной политики на обозримое будущее. Поскольку для этого требуется точная оценка половозрастной структуры населения, следует опираться на объективные демографические характеристики популяции, в частности количество населения старших возрастов. Эта задача осложняется тем, что, во-первых, люди «стареют» с очень разной скоростью (Fuchs, 1984; Jopkiewicz, Lelonek, 2014), во-вторых, уже упомянутые тенденции были сопряжены с улучшением параметров физического здоровья пожилого населения (Grignon, Spenser, 2015) и самой возможностью отложить негативные последствия старения на индивидуальном уровне (Jopkiewicz,

¹ World Population Ageing 2019 (2020). United Nations. New York.

² Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml

³ World Health Organization (WHO) – 2017. Global strategy and action plan on ageing and health. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241513500>

Lelonek, 2014), наконец, в-третьих, это обусловило искажение восприятия старости, причем как в коллективных представлениях жителей стран и регионов, так и в сознании отдельных индивидов (Swift, Steeden, 2020). Согласно афористичному высказыванию китайских исследователей, намекающих на важность учета культурной переменной в практике возрастной категоризации, «стареющее в традиционном смысле общество может и не быть «стареющим» (Yu, Wang, 2023).

К пониманию старости и определению ее возрастных границ, на наш взгляд, применима бинарная схема анализа, основанная на противопоставлении двух позиций. Представители первой признают в процессах старения особую роль объективных биологических предпосылок, сторонники другой, напротив, опираются на конструктивистский аргумент. Поясним, термин «конструктивистский» мы заимствуем из современного этнологического дискурса, где он применяется в трактовке категорий «национализм» и «национальная идентичность» и рассматривается как оппозиция примордиализму. Его суть сводится к тому, что наши представления о старении и возрасте как таковом сконструированы обществом, поэтому заключены в общепринятых возрастных стереотипах, внутренних представлениях о том, кем являются и какими должны быть молодые и пожилые люди (Swift, Steeden, 2020). В первом случае можно утверждать, что старение – это естественный, биологически и генетически детерминированный процесс, в скорости и глубине протекания которого среда тоже играет существенную, но все же второстепенную роль. Конечно, в рамках современных естественных наук продолжают споры об источнике старения: является ли оно результатом фундаментальных ограничений, заложенных в нашу природу, или итогом недостаточности усилий организма, или продуктом эволюции, о чем говорят сторонники концепции программированного старения (Голдсмит, 2016). Существующие разногласия по поводу выделения факторов и механизмов старения в данном контексте

не являются принципиальными. Во втором случае имеет смысл утверждать, что, даже если старение основано исключительно на биологической природе человека, его восприятие индивидом и сообществом в целом, очерчивание его границ в конечном итоге определяются сложившимися культурными условиями и разделяемыми членами сообщества ценностями. Старость может восприниматься и как наиболее сложный период жизни, которому сопутствуют физические и душевные страдания, ощущение бессилия, ненужности и приближения смерти, и как важный и интересный этап, когда осваиваются новые социальные роли, появляется свободное время для саморазвития и увлечений.

Между тем обозначенные подходы не слишком пригодны для четкой демаркации старости в системе периодизации жизни человека, проведения той черты, пересекая которую индивид может считаться и называть себя старым. В том и другом случае старение будет постепенно, монотонно реализуемым процессом, возрастная же шкала «старения» будет формировать континуумы значений, в рамках которых трудно фиксировать важные для нас хронологические отметки. Однако прикладные задачи требуют определения четких границ порога старости.

Целью работы выступает теоретический обзор исследований, связанных с поиском ответа на вопрос, какой возрастной порог наступления старости актуален в сложившихся в XXI веке демографических, социально-экономических и социокультурных условиях. На наш взгляд, необходимо различать три принципиально разных подхода к поиску границ старости, продиктованных логической, или философской, экономической (ее можно назвать и демографической) и политической проблематикой. В чем их принципиальные различия? Экономический подход сводится к решению сугубо утилитарных вопросов страны и регионов, политический – к поиску компромисса между различными политическими силами и группами интересов в решении острых социально-

экономических проблем, тогда как логический связан с разрешением общей эпистемологической проблемы предикатов с нечеткими границами, каковой и является понятие «старый». Существенное отличие политического подхода заключается в том, что он опирается на консенсус между «обществом», а точнее его электоральным активом, и властью, а потому может принимать аргументы экономического и социального толка, а может быть реализован вразрез с ними. Методологической основой работы выступает анализ общетеоретических положений и, в конечном итоге, преимуществ прикладной реализации различных систем, интерпретирующих порог наступления старости. Исходной позицией для анализа становится предположение о существовании в рамках каждого из выделенных вариантов преимуществ и ограничений. Вместе с тем есть основания считать философский подход фундаментальным, несущим в себе универсальные рецепты для решения обсуждаемой проблемы в эмпирических областях. На момент постановки задач этот вопрос нельзя считать решенным, что и обуславливает актуальность и новизну предпринятого исследования.

Философский анализ

Старость – это завершающий этап жизни человека, который, если не брать во внимание случаи преждевременной смерти, неизбежно наступит. Но когда это произойдет? С позиций философского анализа не играет существенной роли, на каком уровне, индивидуальном («Когда данный индивид становится старым?») или, если мы сформулируем вопрос в логической форме, «Утверждение «Данный индивид – старый» является истинным или ложным?») или групповом («Является ли утверждение «Категория населения 60, 65 и т. д. – это старики» истинным/ложным?»), мы ставим вопрос и предпринимая попытки разрешить эту задачу, поскольку в обоих случаях принципиальным оказывается не то, в отношении кого, индивида или сообщества, мы пытаемся иденти-

фицировать возрастную границу наступления старости, а наличие трудно классифицируемого континуума значений.

То, с какого возраста человека можно оценить как «старого», является парадигматическим примером «парадокса сорита», или «парадокса кучи», который был сформулирован как загадка древнегреческим философом Евбулидом, жившим в IV веке до н. э. Парадокс соритов связан со сложностью оперирования расплывчатыми терминами («vague terms»), а именно терминами с неясными («размытыми», «нечеткими») границами применения: нет четкой линии, отделяющей стариков от людей среднего возраста.

Адаптируя пример с ростом человека, описанный Agler и Åkerman, к другому свойству человека – возрасту (относится к классу предикатов возраста, созревания и развития) (Agler, 2010), покажем, как обнаруживается здесь проблема неопределенности⁴. Если мы имеем дело с разновозрастной группой людей или рассматриваем ряд фотографий человека, мы сможем расположить членов группы или фотокарточки в ряд в соответствии с изменяющимся возрастом – от более молодого к более старому. Обратившись к носителю языка с вопросом «Какие из этих людей старые, а какие – нет?» (аналогично «На каких фото изображен старый человек, а на каких – нестарый?»), мы получим следующие интерпретации. Очевидно, что две крайние позиции в обоих рядах оценивающему не представит труда распознать, тогда как промежуточные варианты вызовут большие проблемы при классификации (Agler, 2010).

Представим, развивая уже приведенный пример, что мы выстроили длинную шеренгу мужчин, отличающихся друг от друга на один год (35...36...37 и т. д. до 114 лет), по возрасту – от самого «молодого» (для удобства возьмем абстрактного мужчину 35 лет и назовем его X) до самого старого из ныне живущих (на момент подготовки рукописи им остается 114-летний J.V. Pérez). Любые

⁴ Возраст и рост, как и ряд других характеристик человека, считаются парадигматическими примерами для иллюстрации парадокса соритов.

два стоящих рядом мужчины могут иметь настолько неразличимые признаки возраста, что, как правило, будут отнесены к одной из двух категорий – «старые» или «нестарые».

Таким образом, у нас имеется три правдивые и неоспоримые предпосылки:

1) J. V. P. – старый;

2) X – нестарый;

3) в отношении любых двух мужчин из ряда, отличающихся друг от друга по возрасту не более чем на 1 год, будет верно одно из противоположных друг другу утверждений: 1. «Они оба старые» или 2. «Они оба нестарые».

Из (1) и (3) следует, что J. V. P. – старый, что противоречит (2), а из (2) и (3) следует, что X – нестарый, что противоречит (1).

Таким образом, парадокс состоит в том, что, учитывая описанный сценарий, мы можем вывести противоречие, заведомо абсурдное утверждение из обозначенных предположений, каждое из которых кажется безупречным (Åkerman, 2012).

Были предприняты различные попытки объяснить подобную неопределенность способом, который разрешал бы проблемы соритов, сохраняя при этом большинство наших первоначальных интуитивных предположений, но ни одна из них не получила общего признания. Семантическая классификация пограничных случаев, таким образом, представляет собой сложную задачу (Keefe, 2000).

Разрешению парадокса сорита посвящено немало исследований, но фактически они сводятся к предложению нескольких типов философских трактовок и, соответственно, ответов на загадку Евбулида. Это отрицание того, что логика применима к риторическим выражениям. Напротив, признание, что парадокс является законным аргументом, к которому применима логика, но затем отрицание его обоснованности. Это возможно сделать или отвергая какую-либо посылку (посылки), или отрицая ее обоснованность. Самый радикальный вариант ответа – при-

нять парадокс и прийти к выводу, что расплывчатые термины либо бессвязны, либо бессмысленны⁵.

Определение возрастных границ старости является как строго философской, так и сугубо прикладной или решаемой узким инструментарием той или иной академической дисциплины задачей. «Неопределенность, – пишет D.W. Agler, – проблема не только логики и языка; это философская проблема для любого, кто использует терминологию, допускающую пограничные случаи» (Agler, 2010). Разумеется, это не исключает возможностей поиска конкретных и обоснования альтернативных классификаций.

Поскольку в дальнейшем нас будут интересовать сугубо утилитарные аспекты установления порога старости для академических исследований и выполнения административных функций, постараемся перебросить мостик от философского анализа к практике. Какой из вариантов философских интерпретаций будет здесь наиболее применим? Есть основания предположить, что внушительную аналитическую ценность и объяснительную силу в этом контексте будет иметь подход, именуемый прагматическим контекстуализмом (Åkerman, 2012). Критерии классификации с позиций этого подхода формулируются в рамках самого обсуждения/разговора. Совершенные речевые акты могут задать определенный тон, характер восприятия и, следовательно, интерпретации. J. Åkerman иллюстрирует процесс обнаружения разговорного стандарта примером с диалоговым табло, на котором отображаются утверждения относительно характеристик предмета. Существенно упрощая суть вопроса, скажем, что постепенно, в процессе разговора, происходит стихийный отбор элементов, оставшиеся же в итоге будут приняты участниками, а потому будут восприниматься как истинные. Не составит большого труда использовать данную терминологию и понятийную рамку в любом организационно-экономическом и социокультурном контексте. Аргументы

⁵ Hyde D., Raffman D. Sorites Paradox. Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/sorites-paradox>

в политических дебатах, бюллетень, брошенный в избирательную урну, репортаж в СМИ – все это может трактоваться как высказывание, а потому быть описано в терминах теории речевого акта.

Прикладные аспекты неопределенности категории «старый» и порога старости

Кого в первой четверти XXI века считать старым – вопрос нетривиальный. Определения старости не согласуются с точки зрения биологии, демографии (условия смертности и заболеваемости), занятости и выхода на пенсию, а также социологии. Однако для статистических и государственных административных целей пожилой возраст часто определяется как 60 или 65 лет и старше, что, как нередко отмечается экспертами и исследователями, служит скорее административному удобству, чем объективным обстоятельствам. Нельзя не заметить, что объективных физиологических норм не существует, а порог наступления старости чаще всего ассоциирован с формальными параметрами утраты трудоспособности и выхода на пенсию, установленными еще в XIX веке⁶. Собственно, эти предпосылки определили планку пожилого возраста 60 лет, чаще всего используемую экспертами ВОЗ⁷.

Вместе с тем в научной литературе уже давно признается факт, что старость не является стабильной социальной или экономической категорией, а порог старости подвижен. Главным аргументом в поддержку этого тезиса выступает не только и не столько убедительный рост ожидаемой продолжительности жизни, сколько растущие в среднем показатели здоровья населения, выражающиеся прежде всего в снижении показателей инвалидизации (Grignon, Spenser, 2015). Более того, значительная часть пожилого населения уже не соответствует критерию «дряхлости» (Schuurmans et al., 2004), то есть не является, как было принято считать, обузой для остального населения. Напротив, чрезвычайно распространенной практикой

стало активное участие пожилых в труде, которое не только сопоставимо с работоспособностью молодых людей, но и нередко превосходит ее. В каком-то смысле с этим можно связать появление категории «старость» в системе Международной классификации болезней, которая фактически заменила собой термин «дряхлость» («senility»), переставший отвечать требованиям политической корректности и самой жизни. Важно отметить, что категория «старость», несмотря на присутствие в системе МКБ-11, не классифицируется как собственно заболевание, а носит скорее уточняющий, информационный характер в идентификации болезни или причины смерти⁸. В целом можно заключить, что сдвиг порога старости оправдан в трех основных аспектах – долголетие, здоровье, способность жить в сообществе, провести границы между которыми затруднительно, а часто такой необходимости не возникает.

Проблема определения возрастных границ старости имеет социально-психологический, экономический и политический аспекты. В каждом из них можно обнаружить отдельные варианты решения поставленной нами общей задачи.

Социально-психологический аспект

Анализ социально-психологических аспектов старения тесно связан с проблематикой идентичности, которая формируется не только из того, как человек видит самого себя, но и как он представляет себе то, как его видят другие (Хантингтон, 2004). В связи с этим изучение восприятия старости представителями различных возрастных категорий дает адекватное представление о принятой в данном обществе системе взглядов на возрастные границы и позволяет оценить риски дискриминации пожилых (Swift, Steeden, 2020). Процесс формирования возрастной идентичности пожилых чрезвычайно сложен и не ограничивается осознанием количества и ощущением тяжести прожитых лет, особенно с учетом

⁶ World Population Ageing 2019 (2020). United Nations. New York.

⁷ Ageing. URL: https://www.who.int/health-topics/ageing#tab=tab_1

⁸ «Old age». WHO. URL: <https://www.who.int/standards/classifications/frequently-asked-questions/old-age>

сопутствующих ему и в значительной степени предопределяющих его физиологических и социальных факторов. Последние же обуславливают появление в пожилом возрасте дополнительных идентичностей, связанных с изменением формата и условий жизни (Paniello, 2020).

Первое, что здесь следует обговорить, – это соотношение субъективного и объективного компонентов в оценке границ старости. Случается, что человек ощущает себя молодым и, возможно, чувствует себя соответственно, однако со стороны внешнего наблюдателя не возникает сомнений в том, что перед ним – старый человек (вспомним известные слова О. Уайльда: «Трагедия возраста не в том, что он стареет, в том, что в душе он остается молодым»). Напротив, человек может ощущать бессилие, равнодушные к жизни и называть себя стариком, не имея для этого достаточных объективных оснований и не обладая никакими внешними и даже физиологически обусловленными приметами старости. Встречаются и более деликатные варианты интерпретации опыта старости. Какой из этих компонентов будет преобладающим? Чему – внутреннему голосу, устанавливающему ценз возрастной самоидентификации, или взгляду наблюдателя со стороны – отдать в этом случае решающий голос? Либеральная идеология утверждает приоритет индивидуальных предпочтений субъекта как одну из базовых ценностей. Выбор, кем человек себя хочет чувствовать, остается за ним самим. Сегодня мы являемся свидетелями того, как рушится диктат эстетических предрассудков относительно внешнего вида, рода занятий, форм досуга пожилых людей. Широкие перспективы открывают новые технологии и достижения косметологии и пластической хирургии. Все это подтверждает авторитетное мнение С. Хантингтона о том, что даже аскриптивные формы индивидуальной самоидентификации могут успешно конструироваться (Хантингтон, 2004).

Социологические опросы, проведенные в 11 странах Европы, демонстрируют

широкий диапазон возрастов, оцениваемых респондентами как порог вхождения в старость (в 2008/2009 гг. – от 55 лет в Турции до 64 лет в Бельгии и Польше; средний по странам – 61 год), при этом данные за период с 2008/2009 гг. по 2018 год отражают изменения в оценках в сторону увеличения у населения всех стран, за исключением Германии (в 2018 году диапазон – от 62 лет в Германии до 74 лет в Испании; средний – 67 лет) (Swift, Steeden, 2020). Интересными и важными представляются результаты подобных исследований в странах Азии, где исторически восприятие старости и отношение к старикам отличаются по сравнению с регионами Европы. Например, китайские исследователи, обозначая культурную детерминированность восприятия старости в Китае, тем не менее получают очень близкие к оценкам западноевропейских коллег результаты. Средняя возрастная идентификация китайцев в возрасте 60 лет и старше составила 70 лет. При этом выясняется, что на возрастную идентичность пожилых китайцев оказывают влияние такие традиционные переменные, как состояние здоровья, психологический статус, образ жизни, социально-экономический статус и некоторые демографические характеристики (Yu, Wang, 2023). G.J. Westerhof и A.E. Barrett, исследовавшие роль социально-психологических факторов в возрастной самоидентификации жителей США и Германии, пришли к выводу об исключительной роли культурных переменных (Westerhof, Barrett, 2005).

Результаты близких по тематике российских исследований выявили несущественный, но обнаруживаемый социологическими методами оценки разрыв между нормативно формализованным порогом старости и тем, когда она, по мнению жителей, наступает. В ходе анализа полученных данных не было обнаружено существенных расхождений в представлениях о моменте наступления старости для мужчин и женщин (69,4 и 68,0 лет соответственно). Зафиксирована тенденция эскейпизма,

избегания и откладывания возраста наступления старости по мере приближения к нему. Соотнесение фактического и психологического возраста наступления старости позволило установить, что «преждевременному» старению (когда человек признает себя пожилым, еще не превысив собственного возраста наступления старости), подвержены свыше половины респондентов, считающих себя пожилыми (Антонов и др., 2023).

Любопытный феномен «двойной возрастной идентичности» («dual age identity») был описан (Weiss, Lang, 2012), выявившими дихотомию в самоидентификации пожилых людей как членов геронтогруппы и как представителей поколения. Авторы показывают, что идентичность возрастной когорты пожилых в обследуемой группе чаще ассоциировалась с утратой и упадком, в то время как идентичность поколения – с положительными характеристиками и повышенным уровнем самостоятельности. Полученные данные также свидетельствуют, что идентичность поколения может – особенно в зрелом возрасте – играть терапевтическую роль и служить средством компенсации негативных симптомов старения.

Наконец, следует отметить двойственную роль институционально-политических факторов возрастной периодизации и в связи с этим формирования идентичности. С одной стороны, государственная политика, ориентированная на поддержку нуждающихся групп населения, создает интерпретационные рамки, которые классифицируют людей, их жизненные перспективы и формы идентичности, обеспечивает социальную стабильность и предсказуемость, что, бесспорно, является благом. С другой стороны, есть основания считать, что пенсионные гарантии и льготы могут создавать у людей, которым они полагаются, ощущение «непохожести», дистанции и пропасти между ними и теми, кто по возрасту пока не обладает этими льготами, что направляет самоидентификацию в институционально огра-

ниченное русло (Hendricks, 2004). Эта мысль чрезвычайно ценна, поскольку позволяет увязать социально-психологический аспект возрастной периодизации с экономическим и политическим. Это дает достаточное, но пока не абсолютное, основание рассматривать границы выхода на пенсию как порог наступления старости со всех трех обозначенных позиций.

Экономический аспект

Важность возрастной периодизации для экономики сложно переоценить, особенно если не сосредотачиваться на старости как таковой, а изучать ее в контексте жизненного пути человека или, если быть точнее, взаимодействия различных половозрастных групп в общем экономическом пространстве. В самом простом варианте это взаимодействие выражается в пропорции и, соответственно, необходимости обеспечения баланса между молодыми, которые составляют основную часть рабочей силы, и пожилыми, в силу возраста и ухудшения здоровья меньше способными к труду. Именно по этой причине эксперты ООН в аналитических отчетах опираются на один из наиболее известных в практике мониторинга динамики возрастной структуры населения показатель – коэффициент иждивенчества по старости (old-age dependency ratio, OADR), традиционно оцениваемый как число лиц в возрасте 65 лет и старше, приходящееся на 100 человек трудоспособного возраста (от 20 до 64 лет). В условиях выраженных тенденций демографического старения населения он представляется актуальным, хотя и не в полной мере учитывает ряд нюансов того, как в действительности реализуется человеческий ресурс, особенно в постиндустриальном обществе⁹.

Между тем популяция представляет собой не аморфную смесь людей разных возрастных групп, а сложную систему преемственностей и связей, упорядочиваемых нормативной средой, опытом и практиками осуществляемых индивидами повседневных взаимодействий. Наиболее востребованной

⁹ World Population Ageing 2019 (2020). United Nations New York. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/ageing/WorldPopulationAgeing2019-Report.pdf>

с этой точки зрения теоретической конструкцией стала теория жизненного цикла Ф. Модильяни, возникшая в середине 1950-х гг. Ее основная ценность заключается не столько в представлении описательной схемы эволюции накопления в течение жизни человека, сколько в идее преемственности поколений в обладании активами. Богатство нации, по Модильяни, движется в круговороте – от пожилых к молодым. В то время как очень молодые люди не обладают богатством, люди среднего возраста активно его накапливают, а пик благосостояния достигается непосредственно перед выходом на пенсию. Чтобы обеспечить себе достойный уровень жизни, пенсионеры вынуждены распродавать свои активы, которые и приобретаются более молодыми, вступившими в фазу активного накопления (Deaton, 2005).

Ряд авторов, опираясь на идею и логику гипотезы жизненного цикла, отмечают важность широкого взгляда на задействованные в нем ресурсы, поставляемые как из общественных, так и частных источников. С этих позиций простая система периодизации и единства межпоколенческих экономических связей строится следующим образом.

1. Молодость как этап созревания и накопления человеческого потенциала. Затраты на образование и приобщение к культуре здесь несет прежде всего общество, направляя на эти нужды общественные ресурсы, аккумулируемые через систему налогообложения, однако участие индивидуальных инвесторов здесь тоже имеет место (платежи и добровольные взносы родственников).

2. Зрелость, когда молодые становятся продуктивными членами общества, занятыми воспитанием следующего поколения и производством товаров и услуг.

3. Старость – порог, за которым люди перестают зависеть от собственного текущего производства, необходимого для поддержания привычного уровня жизни. На этом этапе привлекаются средства государственной пенсионной системы, а также задействуются накопленные в предшествующий период жизни собственные активы, ресурсы детей (Grignon, Spenser, 2015).

Не вызывает сомнений, что определение пожилого возраста, то есть возраста, дающего право на получение пенсии и пособий, является важнейшей переменной при разработке жизнеспособных программ для пожилых людей, но эта задача затруднена по тем же причинам отсутствия четких возрастных критериев. Fuchs еще во второй половине XX века подчеркивал, с одной стороны, незаданность границ старческого возраста с позиций государственного управления, с другой стороны, возможность совместного сосуществования различных вариантов определения в зависимости от поставленных административных задач. Сравнивая результаты оценок на основе трех альтернативных вариантов установления порога старости, а именно: 1) удельный вес населения старше 65 лет; 2) доля лиц старше 65 лет, которые умрут в течение 5 лет; 3) удельный вес лиц в возрасте 65 лет и старше, которые выбыли из состава рабочей силы, он показал, насколько разные демографические тенденции они фиксируют.

Fuchs также рассматривает простую модельную ситуацию, в которой в предполагаемой популяции уровень рождаемости равен уровню смертности, а все индивиды умирают в возрасте 80 лет. Если все представители популяции работают в возрасте от 20 до 65 лет, а затем выходят на пенсию, соотношение работающих и пенсионеров будет три к одному. Однако если пенсионный возраст составит 70 лет, то на каждого пенсионера будет приходиться пять работников, что позволит существенно увеличить пособия или снизить налоги, или сделать и то, и другое (Fuchs, 1984).

Он делает вывод о том, что количество людей в возрасте 65 лет и старше, которые умрут в течение следующих нескольких лет, является наиболее информативным, поскольку большая часть интереса к пожилым людям связана с их потребностью в медицинской помощи и других специальных услугах. Этой трактовке границ старости созвучны выводы более детальных исследований, касающихся прогнозирования масштабов социальной, в частности медицин-

ской, помощи пожилому населению. Так, старческий возраст сам по себе не может быть абсолютно информативным в оценке нуждемости лиц старческого возраста в гериатрической помощи и прогнозировании ее объемов (Schuurmans et al., 2004). С другой точки зрения, подсчет лиц в возрасте 65 лет и старше, которые не входят в состав рабочей силы, показателен для решения иных задач, поскольку охватывает ту часть населения, которая должна жить на трансфертные платежи, доходы от капитала или сбережения. M. Grignon, B.G. Spenser, несмотря на абсолютное единство во взглядах с Fuchs на исходные предпосылки и возникающие в связи с этим проблемы интерпретации, приходят к противоположному мнению: необходим не гибкий подход к определению порога старости, а полный отказ от учета категории возраста в планировании объемов социальной поддержки населения и ее реализации (Grignon, Spenser, 2015).

Политический аспект, как может показаться на первый взгляд, очень близок к экономическому взгляду на проблему и даже основывается на нем. Однако здесь мы принципиальным образом разделяем экономический и политический элементы в обосновании возрастных границ старости. Разумеется, то, какой уровень социальных гарантий декларируется государством, во многом зависит от состояния бюджетной системы страны и ее финансовых возможностей, но в конечном счете это решение принимается именно на политическом уровне. Лица, ответственные за принятие политических решений, могут опираться на аргументы экономического характера, а могут, до известных пределов, их игнорировать. Ключевая роль этого фактора должна приниматься априори, если понимать политический процесс в единстве двух противоположных друг другу сторон – «входа», касающегося доступа к политической власти, и «выхода», относящегося к тому, как политическая власть реализуется (Rothstein, Teorell, 2008). Входная сторона политической системы – сторона конкуренции различных интересов, идеологий и политических партий, целью

которой является получение максимальной поддержки избирателей – рассматривается в том смысле, который мы вкладываем в термин «политический». С позиций политического выбора наибольшую актуальность представляют вопросы, какой возраст выхода на пенсию должен быть выбран и утвержден, и, учитывая единство жизненного цикла, – как распределяется национальное богатство: какая его часть идет на нужды населения старших возрастов, какая – молодых, детей и пр. категорий, нуждающихся в государственном участии. В обоих случаях сложность окончательного выбора будет определяться тем, какая из заинтересованных сторон окажется в большинстве и, следовательно, будет услышана. Современные условия, когда все большая доля населения страны – пожилые, приводят к непропорциональному смещению интересов в их сторону, и такие тенденции будут укрепляться. Об этом Fuchs предостерегал еще в середине XX века, отмечая, что рост удельного веса пожилого населения во время, когда экономические ресурсы часто распределяются через избирательную урну, а не на рынке, повышает вероятность ожесточенного политического конфликта между пожилыми людьми и другими группами общества (Fuchs, 1984). Разумеется, все сказанное в значительной степени зависит от специфики конкретной страны и сложившихся социокультурных и политических условий. Парадоксальность и противоречие данной проблемы для России заключается в том, что изменение возраста старости, который на данный момент в терминах социальной политики может формализоваться исключительно как пенсионный возраст, становится политически актуальным только для лиц среднего возраста, не достигших его, а они составляют умеренно электро- активно активную группу населения.

Референдум как инструмент прямой демократии позволяет выявить преобладающее в обществе мнение, но при ближайшем рассмотрении скрывает ту же конкуренцию заинтересованных сторон, которыми выступают различные демографические группы. M. Bütler на материалах голосований граж-

дан Швейцарии в рамках референдума 1998 года, посвященного вопросу повышения пенсионного возраста женщин с 62 до 64 лет, смогла убедительно показать, насколько уровень поддержки зависел от возраста и пола (Bütler, 2002). Молодежь, пожилые люди и, в меньшей степени, мужчины среднего возраста выступили за повышение пенсионного возраста для женщин, в то время как женщины среднего возраста проголосовали против него. Были выявлены различия по признакам характера занятости, имущественного положения голосующих.

Резюме

Старость – это заключительная стадия в жизненных процессах индивида. На социальные аспекты старости влияет взаимосвязь физиологических последствий старения, коллективного опыта и общих ценностей этого поколения с конкретной организацией общества, в котором оно существует. Обзор литературы позволил установить, что в истории человечества признавалось несколько возрастных границ старости, практически все сохранили свою уместность и в первой четверти XXI века. Это постоянство, а точнее умеренная вариативность, в трактовке порога старости успешно вписывается в рамки философской концепции прагматического контекстуализма, предлагаемой рядом авторов к решению парадокса сорита, одним из типичных примеров которого выступает размытость границ пожилого возраста. Вероятно, сегодня мы являемся свидетелями ревизии привычных границ старческого возраста, что вызвано комплексом взаимосвязанных факторов различной природы. Увязывание порога старости с возрастом выхода на пенсию стало чрезвычайно распространенным, однако в исследовательской среде достигнуто, причем, как выясняется, довольно давно, прочное согласие по поводу неконструктивности хронологического критерия к определению порога старости. Показатель ожидаемого времени до смерти, напротив, признается наиболее адекватным, поскольку позволяет объективно оценить потребность в меди-

цинской, социальной, в целом гериатрической помощи. В то же время он не является абсолютным, если принимать во внимание роль политического контекста. Так, в ситуации, когда удельный вес пожилого населения в популяции растет, а вместе с ним растет и его электоральная сила (особенно учитывая то обстоятельство, что в российских реалиях пожилые являются особенно электорально активной группой), государство может оказывать повышенное внимание к удовлетворению его потребностей и нужд. Речь ни в коем случае не идет, о том, что подобное внимание может оказаться незаслуженным, поскольку пожилые особенно требовательны к помощи со стороны государства. Мы указываем на то, что существуют и другие категории населения, прежде всего дети и инвалиды, которые нуждаются в помощи не меньше, но в силу сложившейся политической конъюнктуры могут оказаться несколько обделенными. Иными словами, пропорция в масштабах государственной поддержки может в той или иной мере нарушиться в ущерб принципам социальной справедливости. Возможно, о риске возникновения подобного дисбаланса, помимо прочего, нам и следует говорить, когда поднимается тема пересмотра границ пенсионного возраста.

Методологической основой работы стал поиск различий и вместе с тем пересечений альтернативных подходов к определению возрастного порога наступления старости. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что философский подход не является альтернативным по отношению к политическому и экономическому, поскольку, во-первых, дает общее концептуальное понимание проблем возрастной периодизации и интерпретации (позволяя трактовать проблему фиксации порога старости как частный пример парадокса сорита), во-вторых, обладает большой описательной и аналитической силой, объясняя и фактическую стабильность, и потенциальную подвижность границ возраста наступления старости в зависимости от контекстуальных факторов.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонов А.И., Назарова И.Б., Карпова В.М., Ляликова С.В. (2023). Порог наступления старости: объективные признаки и субъективное восприятие // *Народонаселение*. Т. 26. № 3. С. 131–143. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.11>
- Голдсмит Т.С. (2016). Эволюция теорий старения: каким образом современные концепции программированного старения трансформируют исследования в медицине // *Биохимия*. Т. 81. № 12. С. 1675–1684.
- Доброхлеб В.Г. (2022). Демографическое старение в России и новая социальная реальность // *Народонаселение*. Т. 25. № 2. С. 66–76. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.6>
- Хантингтон С. (2004). Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. Москва: АСТ, Транзиткнига. 635 с.
- Agler D.W. (2010). *Vagueness and its Boundaries: A Peircean Theory of Vagueness*. Indianapolis: Indiana University.
- Åkerman J. (2012). Contextualist theories of vagueness. *Philosophy Compass*, 7 (7), 470–480. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1747-9991.2012.00495.x>
- Bütler M. (2002). The political feasibility of increasing the retirement age: Lessons from a ballot on the female retirement age. *International Tax and Public Finance*, 9 (4), 349–365.
- Covey H.C. (1992). The definitions of the beginning of old age in history. *International Journal of Aging and Human Development*, 34 (4), 325–337. DOI: 10.2190/GBXB-BE1F-1BU1-7FKK. PMID: 1607219.
- Deaton A. (2005). Franco Modigliani and the life-cycle theory of consumption. *BNL Quarterly Review*, LVIII (233–234), 91–107
- Fuchs V.R. (1984). «Though much is taken»: Reflections on aging, health, and medical care. *Milbank Memorial Fund Health and Society*, 62 (2), 143–166. Available at: <https://www.milbank.org/quarterly/articles/though-much-is-taken-reflections-on-aging-health-and-medical-care>
- Grignon M., Spenser B. G. (2015). On removing «age» and especially «old age» as a criterion in social programs. *Canadian Public Policy*, 41 (3), 241–251. DOI: 10.3138/cpp.2015-032
- Hendricks J. (2004). Public policies and old age identity. Public policies and old age identity. *Journal of Aging Studies*, 18 (3), 245–260. Available at: doi.org/10.1016/j.jaging.2004.03.007
- Holzmann R. (2013). A provocative perspective on population aging and old-age financial protection. *Discussion Paper No. 7571*. Bonn.
- Jopkiewicz A., Lelonek M. (2014). Gerontopedagogical dimension of physical activity in the prevention of cognitive regression in the elderly. *Ageing and Old Age as a Task – Health, Activation, Development, Integration*. Kraków.
- Keefe R. (2000). *Theories of Vagueness*. New York: Cambridge University Press.
- Logan J.R., Ward R., Spitze G. (1992). As old as you feel: Age identity in middle and later life. *Social Forces*, 71 (2), 451–467. Available at: <https://doi.org/10.2307/2580019>
- Paniello M.G. (2020). Identity in old age: The meanings of ageing in alice munro's «in sight of the lake». *Journal of the Short Story in English*, 173–189.
- Rothstein B., Teorell J. (2008). What is quality of government? A theory of impartial government institutions. *Governance*, 21 (2), 165–190. DOI: 10.1111/j.1468-0491.2008.00391.x
- Sanderson W.C., Scherbov S. (2005). Average remaining lifetimes can increase as human populations age. *Reprinted from Nature*, 435 (9), 811–813.
- Schuermans H., Steverink N., Lindenberg S., Frieswijk N., Slaets J.P.J. (2004). Old or frail: What tells us more? *The Journals of Gerontology: Series A*, 59 (9), M962–M965. Available at: <https://doi.org/10.1093/gerona/59.9.M962>
- Swift H.J., Steeden B. (2020). *Exploring Representations of Old Age and Ageing. Literature review*. Centre for Ageing Better. Canterbury.
- Weiss D., Lang F.A. (2012). The two faces of age identity. *GeroPsych: The Journal of Gerontopsychology and Geriatric Psychiatry*, 25 (1), 5–14. DOI: 10.1024/1662-9647/a000050
- Westerhof G.J., Barrett A.E. (2005). Age identity and subjective well-being: A comparison of the United States and Germany. *Journal of Gerontology: Social Sciences*, 60B (3), 129–136.
- Yu X., Wang Q. (2023). A study on the factors influencing old age identity among the Chinese elderly. *Front Public Health*, 6 (10), 1027678. DOI: 10.3389/fpubh.2022.1027678

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Константин Николаевич Калашников – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: konstantino-84@mail.ru)

Kalashnikov K.N.

DETERMINING OLD AGE THRESHOLD AS A PHILOSOPHICAL, SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL PROBLEM

The article raises the problem of determining the old age boundaries foregrounding its conditions and challenges of the modern world, primarily the trends of demographic aging and the accompanying requirements of socio-economic, cultural and political nature. The aim of the paper is to review and compare the philosophical, socio-psychological, economic and political approaches to the determining of the old age threshold as a search for a single interpretation. The author shows that the problem discussed is characterized by a particular methodological depth. Thus, the very characteristic of “old” is defined in terms of logic as a predicate with fuzzy boundaries, which gives rise to problems of categorization and classification, defined in general as the “Sorites paradox”. Despite the existence of a number of theoretical schemes claiming to solve this philosophical riddle, none of them is recognized as exhaustive. The author comes to the conclusion that the pragmatic conceptualization of the Sorites paradox is appropriate in the context of the problems under consideration, namely, the development of adequate demographic and social policies, programming and ensuring the parameters of a prosperous old age. Although it does not provide prescriptions regarding the boundaries of old age, it provides a valuable descriptive language that allows explaining why certain solutions to the problem of old age periodization have been recognized as true in different periods of humanity. The choice of a particular periodization scheme depends to a large extent on the scope of its application and the objectives set, and therefore should be the result of a comparative analysis of possible alternatives with the involvement of scientific arguments and taking into account political circumstances, which are not always consonant with each other, as the author notes. The practical significance of the results lies in the identification of limitations for the use of certain approaches to the interpretation of the old age threshold in relation to the implementation of state social programs, including social assistance and pension systems.

Old age threshold, old, age, Sorites paradox, life cycle theory, old age dependency ratio, retirement age, political process.

REFERENCES

- Agler D.W. (2010). *Vagueness and its Boundaries: A Peircean Theory of Vagueness*. Indianapolis: Indiana University.
- Åkerman J. (2012). Contextualist theories of vagueness. *Philosophy Compass*, 7(7), 470–480. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1747-9991.2012.00495.x>
- Antonov A.I., Nazarova I.B., Karpova V.M., Lyalikova S.V. (2023). Threshold of old age: objective signs and subjective perception. *Narodonaselenie=Population*, 26(3), 131–143. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.11 (in Russian).
- Bütler M. (2002). The political feasibility of increasing the retirement age: Lessons from a ballot on the female retirement age. *International Tax and Public Finance*, 9(4), 349–365.

- Covey H.C. (1992). The definitions of the beginning of old age in history. *International Journal of Aging and Human Development*, 34(4), 325–337. DOI: 10.2190/GBXB-BE1F-1BU1-7FKK. PMID: 1607219.
- Deaton A. (2005). Franco Modigliani and the life-cycle theory of consumption. *BNL Quarterly Review*, LVIII (233–234), 91–107
- Dobrokhleb V.G. (2022). Demographic aging in Russia and new social reality. *Narodonaselenie=Population*, 25(2), 66–76. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.6. (in Russian).
- Fuchs V.R. (1984). “Though much is taken”: Reflections on aging, health, and medical care. *Milbank Memorial Fund Health and Society*, 62(2), 143–166. Available at: <https://www.milbank.org/quarterly/articles/though-much-is-taken-reflections-on-aging-health-and-medical-care>
- Goldsmith T.S. (2016). Evolving theories of aging: How modern concepts of programmed aging are transforming research in medicine. *Biokhimiya=Biochemistry*, 81(12), 1675–1684 (in Russian).
- Grignon M., Spenser B. G. (2015). On removing “age” and especially “old age” as a criterion in social programs. *Canadian Public Policy*, 41(3), 241–251. DOI: 10.3138/cpp.2015-032
- Hendricks J. (2004). Public policies and old age identity. Public policies and old age identity. *Journal of Aging Studies*, 18(3), 245–260. Available at: doi.org/10.1016/j.jaging.2004.03.007
- Holzmann R. (2013). A provocative perspective on population aging and old-age financial protection. *Discussion Paper No. 7571*. Bonn.
- Huntington S. (2004). *Kto my? Vyzovy amerikanskoi natsional'noi identichnosti* [Who are we? The Challenges of American National Identity]. Moscow: AST, Transitskniga.
- Jopkiewicz A., Lelonek M. (2014). Gerontopedagogical dimension of physical activity in the prevention of cognitive regression in the elderly. *Ageing and Old Age as a Task – Health, Activation, Development, Integration*. Kraków.
- Keefe R. (2000). *Theories of Vagueness*. New York: Cambridge University Press.
- Logan J.R., Ward R., Spitze G. (1992). As old as you feel: Age identity in middle and later life. *Social Forces*, 71(2), 451–467. Available at: <https://doi.org/10.2307/2580019>
- Paniello M.G. (2020). Identity in old age: The meanings of ageing in alice munro’s “in sight of the lake”. *Journal of the Short Story in English*, 173–189.
- Rothstein B., Teorell J. (2008). What is quality of government? A theory of impartial government institutions. *Governance*, 21(2), 165–190. DOI: 10.1111/j.1468-0491.2008.00391.x
- Sanderson W.C., Scherbov S. (2005). Average remaining lifetimes can increase as human populations age. *Reprinted from Nature*, 435(9), 811–813.
- Schuermans H., Steverink N., Lindenberg S., Frieswijk N., Slaets J.P.J. (2004). Old or frail: What tells us more? *The Journals of Gerontology: Series A*, 59 (9), M962–M965. Available at: <https://doi.org/10.1093/gerona/59.9.M962>
- Swift H.J., Steeden B. (2020). *Exploring Representations of Old Age and Ageing. Literature review*. Centre for Ageing Better. Canterbury.
- Weiss D., Lang F.A. (2012). The two faces of age identity. *GeroPsych: The Journal of Gerontopsychology and Geriatric Psychiatry*, 25(1), 5–14. DOI: 10.1024/1662-9647/a000050
- Westerhof G.J., Barrett A.E. (2005). Age identity and subjective well-being: A comparison of the United States and Germany. *Journal of Gerontology: Social Sciences*, 60B(3), 129–136.
- Yu X., Wang Q. (2023). A study on the factors influencing old age identity among the Chinese elderly. *Front Public Health*, 6(10), 1027678. DOI: 10.3389/fpubh.2022.1027678

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin N. Kalashnikov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: konstantino-84@mail.ru)